

Газета «Вести» в 1997 году опубликовала ряд статей, посвященных Новому году. Ваш покорный слуга рассказал о некоторых нюансах военно-морской службы как в будние дни, так и в предпраздничное новогоднее время. Многие из рассказанного мне довелось видеть лично, а в некоторых событиях принимать непосредственное участие. Повествование уносит нас в далекий 1985 год.

Коммунистическая Партия Советского Союза в лице Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева готовилась начать масштабную перестройку страны. В советском военно-морском флоте в те времена гуляла поговорка, авторство которой почему-то приписали английским морякам. Уверен, ее придумали остроумные советские военморы от имени чопорных англичан: «Корабельная служба – тяжелая служба, но русские сделали ее невыносимой».

Статья в «Вестях» вышла 23 января 1997 года, как я уже говорил, в аккурат к китайскому Новому году, и называлась «С Новым годом, флот!». Печатаем ее с небольшими сокращениями.

С НОВЫМ ГОДОМ, ФЛОТ!

(«Вести» № 11–12 от 23.01.1997)

Как к Новому году приготовишься, так его и встретишь. Как встретишь, так его и проведешь.

Приготовления к Новому, 198...,неважно какому, году, на Тихоокеанском флоте, а точнее, в 10-й оперативной эскадре надводных кораблей (любовно ее называли «Мертвая голова»), начались в сентябре.

Время было непростое. Очередная Продовольственная программа, принятая на XXVI съезде КПСС, наполнила магазины военторгов кумачовыми призывами: «Решения XXVI

съезда КПСС – в жизнь!». Однако обилию лозунгов явно не доставало обилия продуктовой массы.

10-я эскадра на берегах залива Стрелок держала, как и положено, войсковое подсобное хозяйство – крупное поголовье свиней. Только как ни старались тыловики, но откормить свинью до веса отдельно взятого тыловики не получалось.

XXVI съезд КПСС ворвался через ворота свинарника свежим потоком идей. Суть их заключалась в опоре на собственные резервы. Командующий эскадрой издал судьбоносный для свинозагона приказ о ежедневном выделении с каждого корабля по 10 матросов с двумя мичманами и офицером во главе для походов в лес за желудями с нормой выработки – 2 мешка на команду. Невыполнивших норму ждал новый рейд по дубовым рощам.

Причем политработников во главе не ставили, видно, боялись отпускать в лес. Командиры впали в мрачное уныние, работ и без сбора желудей хватало. Корабли готовились выполнять боевые упражнения. Но приказ есть приказ.

Перспектива валять дурака в лесу подальше от начальства радовала моряков и мичманов. Последние были явным довеском в походе. Офицер же – молодой лейтенант, старший похода, замкнулся в грустных размышлениях. Его корабль находился на боевом дежурстве, в полуторачасовой готовности к выходу в море. Людей не пускали на берег даже в военторг, до которого 4 минуты быстрой ходьбы. Тем паче был заказан путь к семьям.

Пошел третий месяц такого сидения на борту. Третий месяц воздержания и эротические сны терзали плоть военных моряков. С легкой руки местных женщин, нескванных моральным кодексом строителей коммунизма, такие корабли называли «островом стоячих ...». Дамы сразу определяли «островных» офицеров по глазам, через которые на мир изливалась безбрежная половая тоска. Но не будем оставлять наедине с тяжелыми мыслями лейтенанта, несущего бремя боеготовности сквозь заросли ольшаника. Он безнадежно запутался в своем великом боевом предназначении, с одной стороны, и колючем кустарнике – с другой. Оттого настроение его вовсе испортилось. Офицера неодолимо тянуло кому-то нахамить. «Заставить матросов надеть головные уборы, что ли? Они начнут артачиться. И тут я их... Но кому козырять в лесу?» – противно ныл тоненький голос здравого смысла. Лейтенант еще не

знал, что с годами подобное нытье проходит. Так, окончательно озверев от немых вопросов без ответов, командир продовольственной экспедиции пошел навстречу новым трудностям.

Первая трудность, с которой он столкнулся, – найти дубы. Как эти деревья выглядели – помнили немногие. Далее предстояло насобирать опавшие желуди. Партии-рулевому представлялось, что желуди с дубов должны упасть ко времени поиска. Не тут-то было. Свиное лакомство зеленело на ветвях и не думало падать. Видать, не сезон.

«Трясти надо!» – подсказали мичманы-аналитики.

Но как трясти дуб в полтора обхвата? Пришлось бойцам залезать наверх. Матросы не ожидали, что ради свиней придется вспоминать обезьяньи навыки, рискуя при этом свернуть себе шею. Устав лазать по деревьям, охотники за желудями взялись за палки. К вечеру удалось наполнить желудями один мешок. Два человека вывихнули себе руки, метая палки. Мичмана какая-то мошка укусила за интересное место, когда тот отошел помочиться. Второй пострадал серьезнее, пристроившись по большой нужде на муравьиной куче. Теперь каждый из них шел и чесал соответствующее место, тихо матерясь в осенней тиши. Так продолжалось до тех пор, пока они не увидели свиней, кочующих между деревьев.

Об эскадренных свиньях 10-й следует рассказать особо. Животные имели поджарый спортивный вид и на свиней похожи не были. Они быстро стучали копытцами по склонам сопки, не доверяли людям, случалось, пугали любителей лесных прогулок. Гулявшие принимали «пятак» за мутантов. На вольные хлеба свиней погнала голодная нужда. Не от хорошей жизни штурмовали они приморские сопки, вместо того чтобы уютно прилечь в вонючей грязи. Парочка таких тощих четвероногих тварей попала на глаза мичманам. Те, сразу перестав чесаться, издав нечеловеческий крик, бросились на проворных животных, хищно раздувая ноздри. За ними устремились остальные военнотруженики. За азартом охоты все забыли про мешок с желудями. «Пятачки» с визгом бросились наутек. Вдоволь набегавшись, вся команда, тяжело дыша, двинулась в сторону пирса. «А мешок?» – вопрос одного из матросов, словно выстрел, прозвучал в лесу. Еще час искали мешок. На корабль добрались, едва поспев к ужину. На следующий день после хорошей взбучки у командира бригады командир корабля, отягощенный приступом хронического гастрита, отправил новую команду во главе с начальником экспедиции в желудевый поход. Командир нежно напутствовал добытчиков: «Если вы, мать вашу, не насобираете два мешка этого г-на, то будете сосать желуди вместо дембеля. Понятно?» Матросы-дембеля на корабле для приборок

и прочих работ – лишь обуза. Они все равно не работали. Поэтому их всегда с легким сердцем выделяли на работу вне корабля. Лучше пусть бьют баклуши там, чем здесь. Окрыленные бодрым напутствием командира, собиратели двинулись в лес. Еще неделю охотники ныряли в лесные чащобы. Сигнал «отбой» сладкозвучно пропел над боевыми порядками: как оказалось, свиньи не стали жрать желуди.

Но исторический XXVI съезд КПСС не дал упасть добытчикам духом. Он призвал бороться с бесхозяйственностью весь 18-миллионный отряд советских коммунистов. Один из них, седой как лунь, в чине капитана 1 ранга и в должности первого заместителя комэска сделал то, к чему рядовые партийцы были явно не готовы. Капраз стал лично проверять, ЧТО выносят в пищевых отходах с кораблей. Нередко, еле волоча больную ногу, он выходил на перехват дежурных по низам (на кораблях первого и второго ранга существовал такой вид дежурной службы), когда те вели матросов с отходами к эскадренной помойке. Если в пищевых отходах обнаруживались консервные банки или стеклянная тара, дежурного по низам ожидал арест. Но свиньи все равно не прибавляли в весе.

Тогда командование эскадры вновь обратилось к первоисточнику. Материалы уже упомянутого съезда учили искать новые пути.

Новые пути нашлись быстро. Ими оказались крысиные тропы. Корабельные фельдшеры и врачи были мобилизованы для борьбы с крысами на просторах свинарника. Непонятно было, чем крысы мешают свиньям: то ли кусают поросят, и те начинают болеть, то ли воруют у них пищу. Одним словом, крыс травили до тех пор, пока не сдох полностью один поросячий выводок.

К Новому году накал борьбы за светлое будущее свиней ослаб. Обитатели загона начали прибавлять в весе. Среди них заметно выделялись три хряка, предназначенных для закалывания. Их готовили специально для «вождей племени», потому заботливо подписали черной краской с двух боков: «ком», «начпо», «замком».

... На Черноморском же флоте приготовления к Новому году начались в октябре, когда скушающий взгляд летчика морской авиации уперся в бычка на военном аэродроме под Баку. Бычок мирно жевал траву. Летчик, наблюдавший за пожирателем травы, привез на АН-12 в командировку несколько морских чинов из Севастополя. Пока командированные реанимировали себя пивом после вчерашних показательных

выступлений за дружеским столом, летчик размышлял: «Бычок потянет на килограммов 150, наверняка ничей, забрел на аэродром случайно, через проход в колючей проволоке. Проход проделала аэродромная служба, чтобы быстрее попадать домой, не делая крюк через КПП. Животное как раз к Новому году откормим».

Командир АН-12 собрал экипаж, посовещался. Члены экипажа горячо одобрили командирский план, восхищенно цокая языками на азербайджанский манер.

Идея капитана военно-морской авиации была великолепна, как сочная отбивная из телятины, которую давно уже не нюхали семьи военных пилотов.

Участь бычка таким образом была предрешена. Ему предстояло промычать в самолете несколько часов и достойно встретить смерть на Качинском военном аэродроме под Севастополем в канун Нового года.

Остались детали – согласовать действия с командированными военными моряками. Те, учуяв, что дело пахнет дармовой телятиной, не дали себя долго уговаривать. Группа из 10 человек двинулась к теленку. Бычок оказался покладистым и без лишнего мычания пошел туда, куда его повели. Дело чуть было не испортил какой-то прапорщик-авиатехник, засекший, как чужаки умыкнули парнокопытное. Ему показалось, что он имеет большие права на заблудшего бычка, так как подкармливает его уже третьи сутки. Бутылка с «шилом» помогла преодолеть внезапно возникший таможенный барьер без разбега. На прощание прапорщик долго по очереди обнимал гостей, безнадежно силясь припомнить имя хотя бы одного из них. Растрогавшись окончательно, он взял велосипед и нервно закрутил педали, с трудом удерживаясь в пределах взлетной полосы.

Тем временем «новогодний подарок» завели в самолет, и АН-12 плавно покати по рулежке.

При взлете бычье отродье стало реветь и писаться. «Ничего, – утешали его старшие братья по разуму, – первый раз всем тяжело». Самолет набрал высоту и поплыл над облаками. Бычок ответил обильным поносом на добрые слова. Добыча начала терять товарный вид на глазах и, кроме того, начала бодаться. На высоте 7 км над Каспийским

морем в грузовом отсеке АН-12 метался очумевший телок, норовя зацепить небольшими рогами кого-то из пассажиров. Кусок желанной телятины вполне мог поджариться на обломках АН-12. Командир воздушного судна принял единственно верное решение – открыл самолетный люк. Обезумевшее животное с ревом понеслось вниз.

... На малом рыболовном сейнере только поужинали, и капитан с двумя матросами лениво ковырялись в зубах, перебрасываясь короткими фразами. Станный звук в небе привлек их внимание. Звук нарастал. Вскоре изумленные рыбаки увидели корову, которая рухнула на МРС. Священное животное пробilo сейнер насквозь. Рыболовное плавсредство быстро затонуло. К счастью, все успели спастись.

Двух матросов и капитана работники транспортной прокуратуры допрашивали в присутствии врача-психиатра. Допрашиваемые божились, который раз повторяя: «Сверху упала корова и затопила МРС!» Версию после долгих колебаний приняли к производству и послали соответствующий запрос военным летчикам в Баку. Настал звездный час прапорщика, бездарно пропившего свои новогодние отбивные.

Под Севастополем на Качинском военном аэродроме живодеру-капитану дали понять, что он никогда не станет майором. Его отстранили от полетов, завели дело и назначили Дедом Морозом на Новый год.

Дед Мороз – это жестокое испытание для любого военнослужащего: 31 декабря разносить подарки, поздравлять чужие семьи и чужих детей.

Но перенесемся на ТОФ к нашим дозревающим свиньям. Они остались там подписанными, но не убиенными. 28 декабря должен был состояться предпраздничный убой. Но кто-то донес про надписи. Донес – это сильно сказано. Добрая треть эскадры уже побывала на свинарнике – поглазела на резвившихся «начпо» и тому подобное.

Начальник политотдела придал случаю политическую окраску. Матросом-свинопасом занялся особый отдел. Но заподозрить в зачуханном тувинце, едва умеющем говорить по-русски, политического провокатора не смогли даже они. Единственное, что установили «волкодавы-скорохваты», это откуда появилась черная краска.

Краску дал боцман с корабля, особо отличившийся при сборе желудей.

Самого же тувинца в свое время списали с того же крейсера, чтобы не затюкали годки, от греха подальше. Замначальника эскадры по тылу, увидев именную свинину, произнес свою самую яркую за время службы речь. Сверкая глазами на бедного тувинца, он проорал: «Я тебя научу служить, чурбан разэтакий!.. Ты у меня будешь работать, пока не сотрешь ноги по сраку. Затем я возьму тебя за... и на яйцах выкачу на дембель!» Воин-интернационалист прошел хорошую школу русского языка.

Лейтенанту же, начальнику желудевых походов, объяснили, что он может взять скипидар и отправиться оттирать свиные хребты от краски, либо превратиться в Деда Мороза, и 31 декабря...

Лейтенант выбрал второе. Дед Мороз – хорошая лазейка для взрослых, позволяющая безнаказанно напиться до изумления за чужой счет. Степень тяжести опьянения зависела от того, сколько квартир предстояло обойти советскому Санта-Клаусу. Важно обойти все квартиры, иначе скандала не оберешься. Поэтому Дедов Морозов без конца инструктировали начальники, повторяя на разные лады одно и то же: «Много не пить!» Но как это сделать?

Итак, 31 декабря Дед Мороз тронулся в путь. Снегурочку на такие мероприятия не брали, да и толку от нее? Нести на себе Деда Мороза она не могла, если что. Помощь от нее так себе – шумовой придаток. Нужен верный помощник из числа политработников, который не напьется, потому что боится. И налево не уйдет, потому что страшно. А в случае чего поможет двигаться, коли шибко устанешь.

Слава богу, таковой под рукой нашелся, да еще на мотоцикле с коляской. Около сотни квартир предстояло обойти молодому посланнику леса – лучшему другу свиней. Начали с квартир начальников. На 30-й квартире Дед Мороз неловко вышел из коляски, точнее, выпал из нее. Пока он поднимался, дети успели завести вокруг него хоровод, крича изо всех сил: «Дед Мороз, Дед Мороз, ты подарки нам принес?» Ватная борода от пролитого на нее вина стала на морозе колом, и Дед чуть не сломал ее при падении. Тяжело опираясь на посох, лесной чудотворец, что-то мыча, стал пробиваться сквозь ребятню, дав им откупную – две горсти конфет.

Последнюю квартиру специалист по желудям почти не помнил. Он поднялся на 5-й этаж и долго, как ему казалось, стучался в дверь. Дверь оказалась крышкой большого ящика с картошкой, стоящего на лестничной площадке. Затем он отчаянно звал политического помощника. Тот потерялся где-то в подъезде.

Помогли соседи, вышедшие на шум. Деда Мороза почетно внесли в квартиру и усадили на диван. Его последние слова были: «Детишки, я из лесу. Желудей тут вам принес». И потом дети еще долго прыгали, танцевали, рассказывали стихи, пели песни и не видели, что Дедушка Мороз безнадежно спит, хитро прикрыв глаза ватными волосами.

На следующий день встреча Нового года энергично обсуждалась на крейсере. Гвоздем программы стал, естественно, Дед Мороз, его тормошили воспоминаниями: «Желуди, говоришь, принес?»

На Черноморском флоте капитана ехидно спрашивали: «Телятинки захотел?»

У обоих Дедов болела голова, и им хотелось всех послать в лес подальше, а самим спать. Они честно исполнили свой воинский долг.

Что ни говори, а Новый год – веселое время, главное, хорошо к нему подготовиться.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ

Автор приносит извинения, если кого покорило народноматерными намеками, но из песни слова не выкинешь. Без мата служба – не служба. Мат – язык общения между народами СНГ в экстремальных условиях. Он (язык) живет своею жизнью независимо от того, любим мы его или нет.